

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vavolokhova@yandex.ru.

ИСТОРИЯ БРАТСКОЙ МОГИЛЫ КОММУНИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПЕТРОЗАВОДСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Впервые рассматривается история Братской могилы коммунистов, расположенной в центре Петрозаводска (пл. Ленина). На основе архивных документов и материалов периодической печати показана роль нового светского некрополя в политической жизни города, раскрыты цели, преследовавшиеся губернскими органами власти при создании нового мемориала, отношение к нему местных жителей. Показано, что создание Братской могилы коммунистов в Петрозаводске в годы Гражданской войны было частью мобилизационной политики большевиков. Похороненные здесь товарищи должны были стать образцом для жителей города, а их героическая смерть – призывом к борьбе и укором тем, кто от этой борьбы пытался уклониться. При этом увековечивались не отдельные герои, а идеал борьбы за дело рабочего класса, поэтому имена многих из них были позже забыты.

Ключевые слова: «красные похороны», Братская могила коммунистов в Петрозаводске, Гражданская война в российской Карелии, коммеморации

ВВЕДЕНИЕ

Исследователями накоплен богатый материал, посвященный анализу «красных похорон» и практике создания новых советских мемориалов как инструментов формирования коллективной памяти о Гражданской войне и революции 1917 года [7], [12], [14]. Однако, не оспаривая значения новых мемориалов для конструирования представлений об уходящих в прошлое событиях борьбы за установление советской власти, необходимо отметить, что они оказались тесно связаны с решением сиюминутных задач, встававших перед большевиками в условиях Гражданской войны. Данный аспект проблемы затрагивается в исследованиях лишь косвенно и в большей степени в связи с формированием образа новой власти [13]. Произошедший сегодня поворот от изучения событий в столичных центрах к анализу политики местных властей позволяет более детально рассмотреть конкретные политические мероприятия на местах, раскрыть проблему отношения к ним городского и сельского населения.

В данной статье рассматривается роль Братской могилы коммунистов в политической жизни Петрозаводска, раскрыты цели, которые преследовали губернские органы власти при создании нового некрополя, показано отношение к нему жителей города. Обращение к этим вопросам позволяет не только показать факторы, повлиявшие на мемориальную политику большевиков, но и объяснить некоторые особенности функционирования большевистских мемориалов после Гражданской войны.

Источниками исследования послужили публикации в газете «Олонецкая коммуна», являвшейся органом Олонецкого губернского комитета

РКП(б) и Олонецкого губисполкома, и материалы Национального архива Республики Карелия. Ряд архивных документов был выявлен благодаря ссылкам, содержащимся в документах личного фонда (Ф. Р-3723) Нины Константиновны Тиньковой (1930–2015). На протяжении многих лет в качестве сотрудника Карельского филиала АН СССР она занималась уточнением имен героев Гражданской войны, захороненных в мемориале на пл. В. И. Ленина (в годы Гражданской войны – пл. 25 Октября) в Петрозаводске. Собранные в результате этой кропотливой работы выписки из документов центральных и карельских архивов, переписка с родственниками погибших были переданы ею вместе с другими документами в НА РК.

«КРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ»: ИСТОКИ РИТУАЛА

Политические похороны не были новым явлением для России, хотя Карелия подобной практики до 1917 года не знала. Как отмечает историк Б. И. Колоницкий, в годы революции «похороны сыграли огромную роль в утверждении культа “борцов за свободу”, который занимал важнейшее место в субкультуре революционного подполья, а после революции становился фактически и новым государственным культом» [5: 45].

По мнению культуролога Н. С. Полищук, своими корнями обряд «красных похорон» уходил в гражданские «литературные» похороны середины XIX века, когда прощание с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским и другими писателями стало средством публичного выражения солидарности с идеями «учителей». Следующим этапом складывания нового ритуала стала Первая российская революция. Особенность

«красных похорон» этого периода заключалась в том, что их назначением было не только выражение скорби, но и демонстрация готовности общества продолжить дело павших героев [9]. По мнению историка Е. И. Красильниковой, образцом для «красных похорон» также служили французские коммеморативные практики времен Парижской коммуны. В частности, из французского опыта были заимствованы такие элементы ритуала, как пение революционных гимнов, прохождение под красными знаменами, торжественные клятвы на могиле героев отомстить врагам и до последней капли крови защищать идеалы революции [7: 164–165]. Однако, как отмечает антрополог А. Соколова, «несмотря на политизацию некоторых из этих похоронных процессов, все они оставались индивидуальными (хоронили какого-то одного человека), а могилы не превращались в политически значимые памятники» [10]. В отличие от этого похороны жертв Февральской революции 1917 года были превращены в масштабное политическое, мемориальное и художественное действо. Первыми среди них стали так называемые Великие похороны жертв Февральской революции на Марсовом поле в Петрограде 23 марта 1917 года. Во многом они послужили образцом для региональных акций подобного рода. По замыслу Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, это должны были быть не просто похороны, но грандиозная похоронная манифестация, призванная стать «смотром» всех революционных сил [8].

Известия о похоронах на Марсовом поле нашли отклик и в Петрозаводске. Местные социалисты, узнав о петроградской акции и «желая достойным образом почтить память всех борцов за свободу», провели траурную манифестацию 4 апреля 1917 года¹. Центральной фигурой в поминовении борцов за свободу в Петрозаводске стал рабочий Александр Михайлович Кузьмин, казненный в 1908 году за покушение на жизнь председателя Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинникова. Во время траурного шествия процессия остановилась недалеко от кладбища, где был похоронен террорист, и направила к его могиле депутацию для возложения венка. Некоторые черты апрельской манифестации позже проявились в «красных похоронах» послеоктябрьского периода. Во-первых, это мобилизационная функция траурного мероприятия, призванного сплотить революционные силы в городе и продемонстрировать их мощь и готовность продолжить дело героев. Во-вторых, превращение акции поминовения в своеобразное торжество, где ожидание будущей победы превалировало над скорбью о потерях. Однако в этой демонстрации было еще и место личной, индивидуальной памяти о погибшем. На кладбище присутствовали родные А. Кузьмина. После манифестации на страницах «Известий Петрозаводского комитета

общественной безопасности» мать, сестра, братья и зять «павшего за дело свободы гражданина А. М. Кузьмина, растроганные до глубины сочувствием», просили участников демонстрации принять «сердечную благодарность»².

В условиях стремительно развивавшегося после Февраля 1917 года культа павших борцов за свободу могила на кладбище, где был похоронен пока единственный местночтимый герой революции, оказалась «непригодной» для поддержания памяти о нем. Неслучайно уже в мае 1917 года был поставлен вопрос о перезахоронении А. Кузьмина по образцу Петрограда в центре города, например на Заводской площади перед храмом Александра Невского³. Таким образом, новая могила должна была оказаться в центре общественной жизни, перестав быть камерным местом семейной памяти. Этот проект не был реализован, однако отразил особенности отношения к смерти представителей социалистических партий, сходство между которыми было обусловлено общей культурой политического подполья.

К весне 1919 года обсуждение форм увековечения памяти А. Кузьмина (прежде всего – проекта памятника) постепенно сошло на нет. В новых политических условиях личность террориста-эсера утратила свою актуальность. Перед представителями большевистской власти возникли другие, требующие экстренного решения задачи.

НОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ В ЦЕНТРЕ ПЕТРОЗАВОДСКА

С весны 1919 года военная обстановка в Карелии начала резко обостряться. Английские войска и белая армия генерала Е. К. Миллера, наступавшие с севера вдоль линии Мурманской железной дороги, вышли к Онежскому озеру. Одновременно со стороны Финляндии были приняты усилия по захвату южной Карелии силами так называемой Олонецкой добровольческой армии. Возникла угроза захвата Петрозаводска антибольшевистскими силами. В Карелии шла активная мобилизация в Красную армию, были мобилизованы на фронт «все коммунисты, не исключая губернского комитета» [3: 412–417]. В этих условиях Олонецкий военно-революционный комитет во главе с большевиком П. Ф. Анохиным вынужден был прибегнуть к взятию заложников [2: 101]. Однако большевистское руководство края понимало, что одними силовыми методами сконцентрировать усилия жителей города в нужном русле невозможно. В частности, коммунисты обратились к уже знакомой по февральскому этапу революции форме политической мобилизации. 1 июня 1919 года на совместном заседании Губкома РКП(б) и Военно-революционного комитета было принято решение об устройстве братской могилы погибших в боях на Заонежском фронте коммунистов⁴.

Выбор места будущего захоронения был простым, так как новый некрополь должен был

оказаться в центре общественной жизни. В частности, предлагалось организовать братскую могилу у собора Александра Невского на Зареке или в Летнем саду. Помощник комиссара Олонецкого губвоенкомата И. В. Матвеев, согласно его собственным воспоминаниям, предложил место в центре города на площади 25 Октября. Долго спорили, в конце концов предложение Матвеева среди прочих поддержали председатель Олонецкого губернского военно-революционного комитета П. Ф. Анохин и член президиума Олонецкого губкома РКП(б) Я. Ф. Игошкин⁵.

Необходимо отметить, что площадь 25 Октября до революции носила название Петровской и являлась административным центром города. После революции в находившемся на этой площади здании губернаторского дома разместились советские органы власти. Создание братской могилы в административном центре было очень типично для периода революции и Гражданской войны. По-видимому, здесь, как и в других городах России, свою роль сыграл опыт погребения «борцов за свободу» на Марсовом поле в Петрограде. Марсово поле избрали в качестве места захоронения, поскольку планировалось, что именно здесь будет располагаться здание Учредительного собрания. Братская могила «под окнами» правительства должна была вечно напоминать об ответственности и верности идеалам революции [7: 166]. Таким образом, адресатом послания, заложенного в траурном ритуале и новом некрополе, становились не только рядовые

жители города, но и непосредственно создатели нового мемориала и их преемники.

2 июня 1919 года трое погибших на фронте бойцов удостоились торжественного захоронения в Братской могиле в центре Петрозаводска. Обращает на себя внимание тот факт, что все трое были коммунистами и занимали те или иные должности в советских органах власти. Это были член Губисполкома, комиссар Онежского завода А. М. Калинин, член Петрозаводского уездного исполкома П. М. Принцев, рабочий Путиловского завода, член Петрозаводского уездного исполкома Ф. Г. Ромашкин. Обитые кумачом гробы доставили на площадь на автомобиле, убранном зеленью, и торжественно захоронили под звуки «Интернационала» после клятв продолжить дело погибших⁶. В Петрозаводске возникала новая святыня – городской светский некрополь.

Вслед за первыми «красными похоронами» в центре Петрозаводска последовали новые. Так, 14 июня предали земле тело погибшего в бою члена Губернского комитета профсоюза рабочих и служащих народной связи, коммуниста К. Ф. Боровского⁷. 22 июня в Братской могиле нашли вечное упокоение тела павших в бою финских коммунистов, сражавшихся в рядах 164-го (6-го) финского стрелкового полка Красной армии, – командира роты А. Лампинена и командира взвода В. Бакмана⁸. 23 июня был похоронен красноармеец, коммунист А. Трофимов⁹, 28 июня – военный комиссар Шуйской и Сямозерской волостей, коммунист В. И. Силкин¹⁰.

Рис. 1. Похороны в Братской могиле коммунистов, погибших в боях за советскую власть в Карелии. Лето 1919 года. НА РК. Ф. Р-3723. Оп. 1. Д. 45

Каковы же были цели создания нового некрополя в центре Петрозаводска? Несомненно, одной из ключевых была мобилизация населения на

сопротивление противникам советской власти. Именно в таком ключе о похоронах в Братской могиле докладывал Губком РКП(б) в Москву.

В отчетном письме в ЦК РКП(б) 15 июня 1919 года они были упомянуты среди других агитационных мероприятий, в качестве подтверждения факта массовой поддержки большевиков местным населением были приложены фотографии похорон¹¹.

Более того, агитационная сила «красных похорон» высоко оценивалась Губкомом РКП(б). 5 августа 1919 года он обсуждал возможность организации похорон девочки, ставшей случайной жертвой бомбы, сброшенной с неприятельского аэроплана. В похоронах, предназначенных, как сказано в протоколе заседания президиума Олонекского губкома РКП(б), «для использования их среди детей», должны были принять участие школьники. Но, судя по тому, что объявление о траурной церемонии не появилось в «Олонекской коммуне», родители девочки не дали своего согласия на «красные похороны»¹².

Важным инструментом разъяснения смысла траурных акций были некрологи, регулярно появлявшиеся в газете «Олонекская коммуна». В них не просто раскрывалась биография погибшего товарища, но демонстрировалось большевистское понимание причин Гражданской войны, описывалась модель поведения, которой должны были следовать трудящиеся. Биография погибшего позволяла напомнить согражданам о тяжелой и беспросветной жизни до революции: «Но как был “злосчастной шестеркой”, так и остался, вплоть до революции, которая впервые дала ему возможность вздохнуть»¹³. При этом подчеркивалось стремление коммунистов к созидательному труду, прерванному врагами, вынудившими большевиков применить насилие в ответ на бесчеловечную жестокость противника.

Хотя большинство некрологов писалось соратниками по оружию, во многом именно агитационная функция этих текстов приводила к тому, что реальные факты биографии здесь отступали на второй план, в описаниях использовался революционный этический шаблон, подменявший реальные личностные качества. Более того, в статьях о похоронах имена тех, кого проводили в последний путь, могли вообще не указываться. Как отмечал автор одного из таких репортажей, «когда кругом кипит борьба, некогда знакомиться подробно с биографией соратников. Достаточно того, что он стоит рядом с тобою, достаточно того, что его сердце скорбит о том же, что и твое сердце, что его душою владеют те же идеи, что и твоею душою. Да и что можно сказать о биографии рабочего или крестьянина!»¹⁴.

Выше истории жизни был факт героической смерти. Именно готовность погибшего отдать все до последнего за дело трудящихся должна была стать образцом для подражания и в то же время служить укором тем, кто ставил личное благополучие выше идеалов борьбы, кто замыкался «в свою скорлупу» и тянул «свое слякотное

и мерзостное: “моя хата с краю”»¹⁵. Так, авторы публикаций в «Олонекской коммуне» сообщали о том, что «после тов. Силкина осталась на попечении государства семья в 8 человек»¹⁶, у П. В. Кулагина «осталось шестеро осиротевших малюток-детей»¹⁷. «Тов. Кулагин пошел в свой последний бой больным... но не пошел в околоток, несмотря на все уговоры, чтобы не подать другим дурной пример, и все бодрился»¹⁸. По болезни К. Ф. Боровский был «освобожден из Красной Армии, но по первому зову встал в ряды борцов и сложил свою голову за благо всех трудящихся»¹⁹. В июне 1919 года не раз в газете упоминался юный комсомолец Верден: «Ему было всего 14 лет, но, когда отец его со всеми коммунистами был мобилизован, он пожелал идти; совместно ему было оставаться безучастным зрителем в борьбе за счастье, которым он должен был наслаждаться, если бы безжалостная пуля белогвардейцев не унесла его так рано в могилу»²⁰.

Однако призыв отдать жизнь за дело трудящихся наталкивался на естественное стремление человека сохранить жизнь. Как отмечает В. С. Тяжелникова, в ходе «красных похорон» «формировалась готовность пожертвовать собой во имя революционного долга. Низкая социальная цена человеческой жизни была необходимым условием борьбы за завоевание революции – путь предстоял долгий и требовал новых жертв» [11: 414]. Частота траурных акций (только за июнь 1919 года на Братской могиле в центре Петрозаводска состоялось как минимум 8 похорон, немало бойцов Красной армии было похоронено на других кладбищах города) сама по себе вольно или невольно вырабатывала «привыкание» к смерти. Но главное – в прощальных речах, из некролога в некролог, из репортажа в репортаж повторялась мысль о том, что понесенные жертвы были не напрасны. Обещания, что погибшие товарищи не будут забыты, их дело будет продолжено, их могила в центре города изо дня в день будет напоминать о них, должны были служить компенсацией естественного страха смерти. Характерно, что, по утверждению И. В. Матвеева, после принятия решения о выборе места Братской могилы Я. Ф. Игошкин и П. Ф. Анохин сказали ему: «Ну вот, т. Матвеев, когда бы ты не умер и где бы ты не находился, хоронить тебя будем здесь»²¹.

Преодолению страха смерти служил и сам похоронный обряд. В репортажах с похорон он описан как праздник. На фоне победных маршей, исполнявшихся оркестром, не было места личной скорби. Как отмечает Е. И. Красильникова, массовость «красных похорон» – это одно из важнейших требований к их организации еще со времен революции 1905 года. При этом получалось, что личные отношения усопшего с теми, кто явился на его похороны, не имели значения. Утрата интимной составляющей похоронного действия задавала новый эмоциональный фон

кипучей «благородной ярости», а не «неутешного горя» [6: 245]. В речах выступавших главной становилась не мысль об утрате товарища, а утверждение, что каждая новая смерть лишь многократно усиливает сплоченность сторонников советской власти и делает победу Красной армии неизбежной. «Не плачьте над трупами павших борцов. / Шагайте без страха по мертвым телам. / Несите их знамя вперед!» – такими словами завершал рассказ о похоронах автор, скрывшийся за псевдонимом Л. Ц.²²

Факт участия в похоронах расценивался как акт поддержки советской власти, выступал индикатором отделения своих от врагов: с одной стороны – «весь петрозаводский пролетариат пришел отдать последний долг борцам за рабочий класс»²³, с другой – редкие буржуа выглядывали из окон своих домов, рассматривая траурную процессию²⁴. По сути, у сторонников советской власти не оставалось выбора в отношении того, принять или нет участие в траурной процессии. Так, в объявлении о похоронах коммунистов 9 июля 1919 года слово «должны» употребляется 5 раз («Сегодняшний день все трудящиеся Петрозаводска должны отдать последний долг погибшим на подступах к городу...» и т. д.). В то же время в этом тексте ни разу не указаны имена тех, на чьи похороны должны явиться все трудящиеся города²⁵.

Судить об отношении населения к новому некрополю сегодня достаточно сложно. С одной стороны, в газетных публикациях постоянно утверждалось, что на прощание с погибшими выходил почти весь город, с другой – массовое участие горожан в траурных процессиях могло быть вызвано не только сочувствием, но и простым любопытством. Характерно, что если в первых объявлениях о похоронах в Братской могиле присутствовало приглашение принять участие в прощании, то позже в них появилась модальность долженствования. К осени обязательность участия в похоронах, организуемых Уездным или Губернским комитетом партии, становится аксиомой. Например, в извещении о похоронах помощника Петрозаводского уездного военного комиссара И. Г. Ширшина Уездный комитет РКП(б) указывал, что «товарищи коммунисты и сочувствующие *обязаны* (курсив наш. – В. В.) явиться в 3 ½ ч. дня в помещении Уездкома»²⁶. По-видимому, в военных буднях похороны, насколько это возможно, стали частью повседневной жизни, а ежедневные трудности заставляли жителей города концентрироваться на иных проблемах, да и петрозаводчан из-за эвакуации в городе становилось все меньше.

Очевидно, что новый некрополь приняли не все. Известен по крайней мере один случай, когда захоронение красного командира на пл. 25 Октября не состоялось по воле родственников. Начальник разведки Олонецкой губернской чрезвычайной

чайной комиссии В. Ф. Тервинский по настоянию матери был похоронен 1 июня 1919 года рядом с отцом на Неглинском кладбище. Однако боевые товарищи, напротив, расценивали Братскую могилу как место почетного захоронения, поэтому стремились именно так почтить память ушедшего из жизни, возможно, не всегда согласуя свои действия с Губкомом РКП(б) и Губвоенревкомом. Так, известие о похоронах служащего Петрозаводского городского совета А. М. Коршунова, бывшего бойца отряда коммунистов, воевавшего на толвуйском участке фронта, ушедшего из жизни после болезни, было опубликовано от имени не Губкома РКП(б) и Губсовета, а от имени отдела городского имущества при Петрозаводском Совете²⁷.

Особо обращает на себя внимание факт захоронения в Братской могиле милиционера Николая Федосеева. Как сообщала «Олонецкая коммуна», во время ожесточенных боев за Петрозаводск летом 1919 года он добровольцем пошел на фронт, а после возвращения в Петрозаводск «зашел в милицию, чтобы ознакомиться с положением дел». Там он стал свидетелем «буйства красноармейца Андреева», которого попытался усмирить, и был убит выстрелом из ружья. Уникальность этого случая заключалась в том, что Федосеев «погиб от руки злодея красноармейца» (судьба последнего далее в газете никак не освещалась), а не классового врага. Тем не менее товарищи решили похоронить его в Братской могиле (объявление о похоронах было опубликовано не от имени губернских органов власти, а от имени Петрозаводской городской милиции)²⁸.

Таким образом, рост некрополя в центре города вышел из-под контроля властей, Братская могила стремительно превращалась в кладбище. 7 июля 1919 года Губвоенревком заслушал заявление комиссара штаба 2-й бригады т. Езергайл о похоронах убитых при обороне Петрозаводска. Было решено «доставленные тела 21-го убитых похоронить на Братской могиле. Объявить, что больше на этой могиле никто хорониться не будет, для чего необходимо подыскать другое Братское кладбище на окраине города»²⁹. Возможно, в этих сухих строках протокола отразился имевший место летом 1919 года конфликт между представителями военных властей и Губвоенревкома [4: 161].

Однако данное решение нарушил сам же Губвоенревком. К 9 октября 1919 года в город были доставлены тела замученных белогвардейцами военного комиссара 5-го стрелкового полка Л. Фокина и комбрига К. Дамма. Они были торжественно похоронены на братском кладбище коммунистов (именно так Братская могила была названа в сообщении о похоронах). Героическая смерть вновь должна была поднять население на борьбу с врагом. Карл Дамм стал первым беспартийным, захороненным в Братской могиле. В статье, написанной человеком, лично не знавшим

погибших, акцент был сделан на мучительной смерти, жестокости палачей. Особо была выделена биография беспартийного бывшего офицера царской армии Дамма: «Его смерть послужит агитацией для всех беспартийных офицеров, работающих в Красной Армии, пусть все военные специалисты, работающие в рядах Красной Армии, определенно спросят себя, кто такие белогвардейцы. И с кем должны идти те, которые еще заблуждаются, думая, что победа белых будет радостью их жизни»³⁰. По сути, кончина Дамма была свидетельством отсутствия выбора у тех, кто пошел на сотрудничество с советской властью, так как враги их не пощадят, и показателем готовности оценить их жертвы (Дамма хоронили «на Братском кладбище коммунистов»).

Прощание с Фокиным и Даммом стало своеобразным сигналом к возобновлению похорон «на Братской могиле». В октябре – ноябре 1919 года здесь были похоронены еще 10 бойцов и командиров Красной армии: помощник воен-

ного комиссара Петрозаводского уезда, комиссар десанта в Лижме И. Г. Ширшин, командир роты И. Б. Фокин, командир роты Г. Евдокимов, комвзвода Н. Алексеев, комвзвода А. Готовцев, помощник командира взвода Д. Карулин, стрелки Н. Семёнов и Г. Филиппов, юнга канонерской лодки М. Н. Богданов, кочегар канонерской лодки А. Г. Пименов, матрос П. А. Яковлев.

К марту 1920 года мурманская группировка белых, полтора года угрожавшая выходом к Петрозаводску и Петрограду, прекратила сопротивление. Остатки разгромленных частей белой армии отступали в сторону советско-финляндской границы [3: 424]. В этих условиях отпала необходимость в таком мобилизационном инструменте, как похороны в Братской могиле в центре города. Знаком завершения мемориала стала подготовка к установке на нем памятника. Проект был заказан Губисполкомом бывшему преподавателю рисования и чистописания Олонецкой гимназии Константину Васильевичу Собакину.

Рис. 2. Братская могила в городе Петрозаводске. 1930 год. Автор съемки: Я. Роскин. НА РК. П-848

С ноября 1919 года по март 1920 года нет упоминаний о захоронениях в Братской могиле. Новая траурная церемония прошла 4 марта 1920 года по инициативе Петрозаводского уездного комитета РКП(б) и бюро коллектива РКП(б) Онежского завода, когда были похоронены бывшие рабочие завода П. Одинцов, А. Суханов и И. Васильев, расстрелянные белогвардейцами в д. Челмужи в мае 1919 года. Их тела были найдены по инициативе вдов, обратившихся в Губком РКП(б) с просьбой помочь найти и вывезти в Петрозаводск тела мужей³¹. В отличие от во-

многочисленных стихийных похорон осени 1919 года эти похороны были тщательно организованы. На сей раз траурная акция демонстрировала победу большевиков. Сам факт захоронения тел товарищей, найденных на освобожденной от врага территории, был символом победы. Присутствие на похоронах «местной РКП, союза молодежи, Петрозаводского уездного съезда единой трудовой школы, почти в полном составе Онежского завода» подчеркивало единство трудящихся в поддержке советской власти³². С этого момента смысл «красных похорон» на пл. 25 Октября

начинает меняться. Хотя в марте – апреле 1920 года состоялось еще несколько погребений, но они отличались скромностью, практически не описывались в прессе, а лишь упоминались в объявлениях о похоронах³³. По-видимому, все они прошли по инициативе военных, а не губернских властей, однако постепенно подобная практика прекратилась. Позже некрополь станет развиваться в принципиально ином ключе – как место почетных захоронений политических лидеров. Но этот этап заслуживает отдельного рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, создание Братской могилы коммунистов в Петрозаводске в годы Гражданской войны было частью мобилизационной политики большевиков. Похороненные здесь товарищи должны были стать образцом для жителей горо-

да, а их героическая смерть – призывом к борьбе и укором тем, кто от этой борьбы пытался уклониться. При этом увековечивались не отдельные герои, а идеал борьбы за дело рабочего класса. Поэтому имена многих из них были позже забыты. Если традиционное кладбище являлось местом семейной памяти и прежде всего родственники ухаживали за могилами и сохраняли память об умершем, то здесь обязанности ухода за захоронениями были возложены на местные власти, которые в 1922 году на месте Братской могилы установили обелиск, символически объединивший индивидуальные биографии в одну историю борьбы за советскую власть. В 1970–1980-е годы Н. К. Тиньковой было потрачено немало сил на восстановление списка захоронений. Однако архивные документы позволяют утверждать, что мемориальные плиты на площади Ленина содержат имена не всех, лежащих под ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Манифестация // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 31 марта. С. 1.
- ² Там же.
- ³ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Разнородная переписка. Л. 110.
- ⁴ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 3, 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 153.
- ⁵ Научный архив КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 129. Матвеев Иван Васильевич. Петрозаводск в июне 1919 года (оборона города). Варианты воспоминаний. 1961. Л. 53.
- ⁶ Мульский. Похороны погибших коммунаров // Олонецкая коммуна. 1919. 3 июня. С. 3.
- ⁷ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 14 июня. С. 2.
- ⁸ Тов. Лампинен и Бакман (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 24 июня. С. 2.
- ⁹ Тов. Алексей Трофимов (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 26 июня. С. 2.
- ¹⁰ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 28 июня. С. 2.
- ¹¹ Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. С. 85.
- ¹² НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 2/33. Протоколы заседаний Олонецкого губкома РКП(б) за 1919 г. Л. 140.
- ¹³ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог)...
- ¹⁴ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог)...
- ¹⁵ Игошкин Я. Петр Варламович Кулагин (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 8 июня. С. 2.
- ¹⁶ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог)...
- ¹⁷ Игошкин Я. Петр Варламович Кулагин (некролог)...
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог)...
- ²⁰ Памяти тов. Вердена // Олонецкая коммуна. 1919. 2 июня. С. 1.
- ²¹ Научный архив КНЦ РАН. 1. Оп. 20. Д. 129. Матвеев Иван Васильевич. Петрозаводск в июне 1919 года (оборона города)... Л. 53.
- ²² Дорогие могилы // Олонецкая коммуна. 1919. 10 июля. С. 3.
- ²³ Похороны погибших коммунаров // Олонецкая коммуна. 1919. 3 июня. С. 3.
- ²⁴ Похороны В. Ф. Тервинского // Олонецкая коммуна. 1919. 2 июня. С. 3.
- ²⁵ К похоронам погибших на подступах в Петрозаводск // Олонецкая коммуна. 1919. 9 июля. С. 1.
- ²⁶ Объявления // Олонецкая коммуна. 1919. 12 октября. № 231. С. 1.
- ²⁷ Объявления // Олонецкая коммуна. 1919. 18 июня. С. 4.
- ²⁸ Николай Федосеев (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 25 июня. С. 2.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1/2. Выписки из протоколов заседаний Губвоенревкома (копии). Л. 840.
- ³⁰ Мурзинов Н. Час возмездия близок // Олонецкая коммуна. 1919. 9 окт. С. 1.
- ³¹ НА РК. Ф-3723. Оп. 1. Д. 62. Материалы по уточнению имен героев Гражданской войны, захороненных в мемориале на пл. В. И. Ленина. Т. 1. Л. 19–20.
- ³² Спите, орлы боевые // Олонецкая коммуна. 1920. 5 марта. С. 2.
- ³³ Объявления // Олонецкая коммуна. 1920. 12 марта. С. 4; Объявления // Олонецкая коммуна. 1920. 31 марта. С. 2; Тов. Владова (некролог) // Олонецкая коммуна. 1920. 23 апреля. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // CARELICA. 2015. № 1. С. 8–24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petrstu.ru/2015/VOLOKHNOVA.pdf> (дата обращения 05.09.2016).
2. Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь Петрозаводска в 1918–1920 гг. // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ, 29 июня – 2 июля 2004 г. Петрозаводск, 2004. Т. 1. С. 98–103.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др.; Под общ. ред. Н. А. Коралева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

4. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 373 с.
5. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
6. Красильникова Е. И. Похороны как аспект городской повседневности (по материалам западносибирской газетной прессы первой половины 1920-х гг.) // Социальная история: Ежегодник. 2010. СПб.: Алетейя, 2011. С. 223–250.
7. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 годов). Новосибирск, 2015. 405 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ciu.nstu.ru/kaf/persons/28481> (дата обращения 15.10.2016).
8. Орлов И. Марсово поле и траур в политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=5683> (дата обращения 23.09.2016).
9. Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
10. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»: Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/17s.html> (дата обращения 23.09.2016).
11. Тяжелникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история: Ежегодник, 1998/1999. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 411–433.
12. Шалаева Н. В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917–1918 // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 18–24.
13. Шалаева Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 445 с.
14. Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; N. Y.; London, 2004. 301 p.

Volkhova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORY OF THE COMMON GRAVE OF COMMUNISTS IN THE CONTEXT OF PETROZAVODSK POLITICAL LIFE DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

The first overview of the history of the common grave of Communists, located in the center of Petrozavodsk (Lenin square), is represented. On the basis of archive materials and published sources, the author analyzes the role of the new secular cemetery in the political life of the town, discloses the aims pursued by provincial authorities, and studies the attitude of local citizens towards the new memorial. The author comes to a conclusion that inauguration of the mass grave of Communists in Petrozavodsk during the Russian Civil War was a part of the Bolsheviks' mobilization policy. Comrades buried there were considered to be a role model for the local population; their heroic deaths called to arms and blamed those who avoided this struggle. The memorial perpetuated not individual heroes, but the common ideal of struggle for the working class. That is why many of the heroes were forgotten later.

Key words: "Red funeral", Common grave of Communists in Petrozavodsk, Civil War in Russian Karelia, commemoration

REFERENCES

1. Volkhova V. V. Making a myth about The October Revolution of 1917 and the Russian Civil War by means of monumental propaganda (Petrozavodsk, Karelia as an example) [Formirovanie mifa ob Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoj vojny sredstvami monumental'noj propagandy (na primere g. Petrozavodsk)]. *CARELICA*. 2015. № 1. P. 824. Available at: <http://carelica.petrstu.ru/2015/VOLOKHOVA.pdf> (accessed 05.09.2016).
2. Dubrovskaya E. Yu. The social life of Petrozavodsk in 1918–1920 [Obshchestvennaya zhizn' Petrozavodsk v 1918–1920]. *Problemy razvitiya gumanitarnoy nauki na Severo-Zapade Rossii: opyt, traditsii, innovatsii*. Petrozavodsk, 2004. Vol. 1. P. 98–103.
3. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Ed. by N. A. Koroblev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov. Petrozavodsk, 2001. 943 p.
4. *Istoriya Petrozavodsk: vlast' i gorozhane* [The history of Petrozavodsk: the government and the citizens]. Petrozavodsk, 2008. 373 p.
5. Kolonitskij B. I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 g.* [Symbols of power and the struggle for power: the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001. 347 p.
6. Krasil'nikova E. I. Funerals as an aspect of urban everyday life [Pokhorony kak aspekt gorodskoy povsednevnosti]. *Sotsial'naya istoriya: Ezhegodnik*. 2010. St. Petersburg, 2011. P. 223–250.
7. Krasil'nikova E. I. *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Remember not to forget... Memorials and commemorative practices in the cities of Western Siberia]. Novosibirsk, 2015. 405 p. Available at: <http://ciu.nstu.ru/kaf/persons/28481> (accessed 15.10.2016).
8. Orlov I. *Marsovo pole i traur v politike* [The field of Mars and mourning in politics]. Available at: <http://openleft.ru/?p=5683> (accessed 23.09.2016).
9. Polishhuk N. S. Ritual as a social phenomenon ("red funeral" as example) [Obryad kak sotsial'noe yavlenie (na primere "krasnykh pokhoron")]. *Sovetskaya etnografiya*. 1991. № 6. P. 25–39.
10. Sokolova A. "It is impossible for new people to bury the old!": The evolution of the funeral rite in Soviet Russia ["Nel'zya, nel'zya novykh lyudey khoronit' po-staromu!": Evolyutsiya pokhoronnogo obryada v Sovetskoj Rossii]. *Otechestvennye zapiski*. 2013. № 5 (56). Available at: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/17s.html> (accessed 23.09.2016).
11. Tyazhel'nikova V. S. "You fell a victim to a fatal struggle..." (Genesis and evolution of the revolutionary sacrifice of the Communists) ["Vy zhertvoju pali v bor'be rokovoy..."] (Genезis i evolyutsiya revolyutsionnoy zhertvennosti kommunistov). *Sotsial'naya istoriya: Ezhegodnik*. 1998/1999. Moscow, 1999. P. 411–433.
12. Shalaeva N. V. The formation of the plan of monumental propaganda in Soviet Russia. 1917–1918 [Stanovlenie plana monumental'noj propagandy v Sovetskoj Rossii. 1917–1918]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 8 (337). *Istoriya*. Issue 59. P. 18–24.
13. Shalaeva N. V. *Formirovanie obraza sovetskoj vlasti v rossiyskom obshchestve v 1917–1920-e gg.: sotsiokul'turnyy aspekt: Dis. ... d-ra ist. nauk* [The formation of the image of Soviet power in the Russian society in 1917–1920th]. Saratov, 2014. 445 p.
14. Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; N. Y.; London, 2004. 301 p.

Поступила в редакцию 02.11.2016